

Глядя на то, как уверенно держалась княжна Фэйхун, можно было понять: ей не впервой наблюдать за подобными смотрами.

Князь Цзинь прибыл в лагерь во главе внушительной свиты. Чжан Шицзе, Чжань Шитай, Тань Тяньмин, Тань Тяньлян и другие военачальники уже ожидали его. Судя по всему, все они были абсолютно уверены в сегодняшних учениях, и на лицах каждого играла спокойная улыбка.

Как только Тань Тяньмин отдал приказ, на помосте затрепетали знамена. Отряды кавалерии тут же выстроились для входа на поле. Копыта лошадей подняли густую пыль, заставшую полнеба. Зеленые, красные, белые и черные флаги отвечали друг другу в такт движениям конницы: по сигналу воины бросались в атаку, по другому — сдерживали коней, по третьему — спешили. Под управлением сигнальщиков все движения солдат были слаженными и безупречными, что свидетельствовало о превосходной ежедневной подготовке.

Вдоль края плаца быстро выставили ряды мишеней. Всадники по очереди разгоняли лошадей, и, приблизившись на сотню шагов, начинали стрелять. Стрелы, словно черный ливень, обрушились на деревянные щиты. Послышался сплошной звон — хотя попадали не в яблочко с каждым разом, промахов было совсем немного. Присутствующие на помосте воодушевились и принялись одобрительно хлопать.

Князь Цзинь не преминул спросить Шэнь Си, стоявшего рядом: Няньцин, что скажешь? Как тебе мои войска? Смогут ли они выстоять против татарской конницы?

Шэнь Си немного помолчал, а затем ответил начистоту: На мой взгляд... дух у солдат в лагере князя похвальный, но вот военачальники оставляют желать лучшего.

Как только эти слова сорвались с его губ, все взгляды на помосте, словно острые клинки, устремились на него. Начиная от генералов и заканчивая личной охраной, все в один миг переменились в лице.

Сегодня, увидев, что князь Цзинь взял с собой Шэнь Си, офицеры не осмелились выразить недовольство вслух, но в душе каждый был крайне недоволен. Они слышали о заслугах Шэнь Си в снятии осады Нинчэна, но мало кто верил, что горстка из трех тысяч человек могла противостоять стотысячной армии мятежников. Откуда у обычного юнца, которому еще не исполнилось и двадцати, такие способности? Слишком уж неправдоподобными казались эти легенды о его доблести.

Более того, Шэнь Си поселился в княжеском дворце под именем приемного сына князя Цзиня, и все прекрасно понимали, что на самом деле кроется за этими словами. Если бы Шэнь Си был истинным героем, способным в одиночку противостоять миллионному войску, стал бы он довольствоваться ролью послушного любимчика, прячась за спиной князя в тишине дворцовых покоев?

Большинство подчиненных князя Цзиня были людьми с прошлым: старшие помогали ему в бесчисленных сражениях на юге и севере, младшие были наследниками верных вельмож и

отважных полководцев. Пусть они и не гремели на всю страну, но каждый из них прошел через настоящий огонь и кровь. И разве мог кто-то из них смириться с тем, что ими будет помыкать какой-то смазливый фаворит?

Чжан Шицзе, занимавший высший чин среди присутствующих, отличался глубоким умом и осторожностью, поэтому лишь мягко улыбнулся: Мы люди без особых заслуг и талантов, в нашем деле действительно много изъянов. Будем надеяться, что князь и молодой господин Шэнь наставят нас на верный путь.

А вот прямолинейный Чжань Шитай сдержаться не смог. Не сводя глаз с Шэнь Си, он холодно фыркнул: Какой еще господин? Просто сменили красивое название, а по сути — всё тот же прислужник, что торгует своей внешностью!

Князь Цзинь сидел поодаль и не расслышал этих слов, но сидевший по соседству Шэнь Си услышал всё отчетливо. Услышав в свой адрес обвинение в служении красотой, он не только не разозлился, но даже усмехнулся. Видимо, этот генерал Чжань, как и он сам, не искушен в любовных делах и не способен отличить истинную красоту от посредственности. Иначе как можно было разглядеть в его лице хоть какую-то притягательность? Если князь Цзинь и обратил на него внимание, то только из-за проблем со зрением.

Братья Тань Тяньмин и Тань Тяньлян, занимавшие посты командиров-инспекторов, отвечали за тренировку войск, поэтому слова об изъянах были адресованы в первую очередь им. Старший, Тяньмин, по своей натуре был робок и из страха перед князем промолчал, а вот младший, Тяньлян, стерпеть не смог. Он поднялся, сложил руки в приветственном жесте перед князем, а затем, повернувшись к Шэнь Си, вызывающе спросил: Судя по вашему тону, господин Шэнь, вы весьма сведущи в обучении войск? Прошу, наставьте меня, офицера четвертого ранга: что именно не так в наших боевых порядках и сигналах? И как, по вашему мнению, стоит действовать, чтобы это не оставляло желать лучшего? Если вы не сможете обосновать свои слова, не обессудьте — я сочту это личным оскорблением.

К удивлению князя, Шэнь Си не стал препираться или бросаться в спор. Вместо этого он встал, сложил руки в извиняющемся жесте и произнес: Прошу прощения, генерал, я лишь высказал свое мнение, не подумав. Надеюсь, вы не станете принимать мои слова близко к сердцу.

На плацу учения шли своим чередом. Очередной отряд по сигналу выпустил стрелы и, выкрикивая боевые кличи, бросился вперед, чтобы разрубить соломенные мишени, изображавшие врагов. Закончив, они вернулись в строй. Звучали барабаны, и на смену им выходил следующий отряд.

В тот момент, когда воины приготовились стрелять, Шэнь Си вынул из-за пазухи медную монету, зажал ее между большим и средним пальцами и с силой щелкнул в сторону коня, на котором приехал князь. Монета попала точно в глаз животному. Конь, не выдержав боли, бешено заржал и рванул с места, сбросив поводья с рук ошеломленного конюха. Испуганная лошадь ворвалась в строй, словно капля воды, попавшая в кипящее масло. Безупречный порядок нарушился, строй пришел в замешательство: воины, опасаясь поранить любимую лошадь князя, выпускали стрелы из рук, либо стреляли мимо, а кто-то и вовсе отступал в

сторону.

Под помостом царил хаос. Чжан Шицзе помрачнел, Чжань Шитай разразился бранью, Тань Тяньмин в панике отдавал команды, чтобы привести войска в чувство, а Тань Тяньлян, сжав кулаки, гневно сверлил Шэнь Си взглядом. В то же время князь Цзинь невозмутимо попивал горячий чай, а стоявший за его спиной Гу Чжоцзы легонько потирал усики, и в уголках его губ затаилась едва заметная улыбка.

Шэнь Си холодно наблюдал за происходящим и громко, чтобы все на помосте могли его услышать, произнес: Знаете ли вы притчу о Ле Юйкоу, который стрелял из лука перед Бохунь Ужэнем? Чтобы показать свое мастерство, он поставил на локоть чашу с водой. Едва выпустив одну стрелу, он тут же накладывал другую, сохраняя непоколебимое спокойствие, и каждая стрела попадала в цель. Разве это не искусство, достойное называться божественным? Но Бохунь Ужэнь сказал: Это стрельба как стрельба, но не стрельба как «не-стрельба». Если мы с тобой взойдем на высокую гору и встанем на край отвесной пропасти, сможешь ли ты выпустить стрелу?

Тань Тяньлян покраснел до корней волос и недовольно пробормотал себе под нос: Начитался книжек и кичится своим умом. Хм, пустая болтовня.

Шэнь Си спокойно взглянул на него: Вы тренируете войска, чтобы показывать их князю, или для того, чтобы однажды одержать победу на поле боя? — Выждав, пока никто не ответит, он продолжил сам. — В реальном сражении самое важное — это опыт и умение подстраиваться под ситуацию. Какая польза от того, что вы попадаете в мишени? Вы думаете, враг будет любезно ждать на открытом месте, пока вы его убьете?

Тань Тяньлян ударил по столику и вскочил: Как бы плохо мы ни обучали солдат, мы выиграли немало битв! Когда мы уже сражались на поле боя, ты, господин Шэнь, еще под стол пешком ходил!

Шэнь Си спокойно кивнул: Сегодня я вижу, что три гвардии князя — это элитные войска. Солдаты сильны и искусны в стрельбе, но, к сожалению, это лишь показуха. Без умения реагировать на молниеносные перемены в бою вся ваша храбрость и мастерство — лишь верная смерть. Не подскажите ли, сколько солдатских жизней было отдано за те победы, о которых вы говорите? Такие тренировки, привязанные к идеальным условиям, — лишь украшательство, на которое и смотреть не стоит.

Если вдуматься, в его словах был смысл, но уж слишком прямолинейно и грубо они прозвучали, не оставив никому места для достоинства. Все чувствовали, как режут слух эти речи. Но, опасаясь его положения, никто не решился возразить открыто — все лишь украдкой поглядывали на князя.

Князь Цзинь и без того знал, что они ждут от него знака. Он не спеша пригубил чай, передал чашку слуге, притаившемуся рядом, и, слегка приподняв веки, спокойно произнес: Солдаты много трудились, их стоит вознаградить. Ах, я совсем сдал, посидел немного и уже устал. На

сегодня хватит. — С этими словами он поднялся, слуги накинули ему на плечи плащ, и он поманил Шэнь Си: Пойдем, Няньцин.

Чжан Шицзе и Чжань Шитай обменялись взглядами: первый опустил глаза с горькой усмешкой, второй гневно взмахнул рукавом.

Как только они спустились с помоста и отошли недалеко, Тань Тяньлян догнал их: Слышал, господин Шэнь в Нинчэне одним ударом сразил вражеского генерала. Ваше мастерство внушает уважение. Я, Тань Тяньлян, человек недалекий, но хотел бы попросить вас показать пару приемов. Не окажете ли честь?

Видя, что князь рядом, Тань Тяньмин счел это неуместным и тихо дернул брата за рукав, но тот с силой стряхнул его руку.

Генерал Тань хочет состязаться со мной в фехтовании? — Шэнь Си слегка усмехнулся, приподняв подбородок и глядя на него сверху вниз. — Я оттачивал свое искусство не для того, чтобы обижать своих.

Он не ответил ни да, ни нет, но само слово обижать ясно давало понять: он уверен в своей победе. Тань Тяньлян не мог смириться: Господин Шэнь, вы говорите так высокопарно, но это всего лишь обмен опытом, чего вы боитесь? Или вы хотите сказать, что наше оружие слишком тяжелое и неудобное для вас?

В словах Тань Тяньляна сквозило презрение, и атмосфера мгновенно накалилась. Видя это, Чжан Шицзе, улыбаясь, решил выступить миротворцем: Ну будет вам, Тяньлян. Махать мечами перед князем неуместно. К тому же, клинок не знает жалости, если вдруг случайно пораните господина Шэня, разве не доставите князю тревог?

Тань Тяньмин согласно закивал: Именно так. Господин Шэнь — гость в Цзиньюане, мы должны оказывать ему уважение.

Если бы кто-то другой оказался в такой ситуации, князь, возможно, и заступился бы, но когда дело касалось Шэнь Си, он промолчал. Разве он не знал характер Шэнь Сяоуэра? Этот мальчишка был горд и самолюбив, и, получив такой вызов, наверняка уже жаждал схватки. Что ж, пусть потешится...

И действительно, услышав слова Тань Тяньмина, Шэнь Си ухмыльнулся: Мне не нужно уступать. Чтобы справиться с ним, мне хватит и одной руки.

Он не только похвастался, что победит одной рукой, но еще и назвал противника «этим», даже не соизволив упомянуть имя, что выглядело еще более высокомерно. Остальные не на шутку разозлились. Каждый из них тайком надеялся, что Тань Тяньлян победит Шэнь Си и собьет спесь с этого желторотого юнца.

Хочешь драться — дерись, чего болтать! — раздался из толпы голос. Все обернулись: это была княжна Фэйхун, переодетая в мужской наряд. Услышав о поединке, она была даже более взволнована, чем сами участники. Хотя княжна владела лишь парой приемов и никогда не видела настоящей войны, она всей душой хотела стать такой же, как Хуа Мулань или Лян Хуньюй из историй Великого Чжоу. Она не только нарядила своих служанок как воительниц, но и дала им соответствующие имена: белокожую назвала Сюэ Жэнь (Снежное лезвие), высокую — Хун Ин (Красная кисть), ту, что с веснушками — Ци Син (Семь звезд), а ту, что носила две прически-пучка — Шуан Гэ (Двойное копье). В именах скрывались названия четырех видов оружия: меч, копье, клинок и алебарда.

Услышав возгласы дочери, князь повернул голову и издал тихий звук: Хм?

Княжна Фэйхун тут же состроила гримасу и спряталась за спину Гу Чжоцзы, притворившись послушным стражником. Но вскоре, убедившись, что князь больше не смотрит, она снова выскочила и принялась подстрекать всех к началу, боясь пропустить самое интересное.

Тань Тяньлян махнул рукой, и кто-то принес два меча. Выбрав один себе, он бросил второй Шэнь Си и крикнул: Прошу! — после чего бросился в атаку.

Шэнь Си держал правую руку за спиной, а левой, даже не вынимая меч из ножен, парировал удары, легко уходя от клинка. Тань Тяньлян, не достигнув успеха, нападал лишь яростнее. Не успел он твердо встать на ноги, как снова рубанул мечом. Шэнь Си быстро отступил на два шага и выполнил прием «Железный мост», позволив клинку пролететь в нескольких дюймах от носа. Его меч по-прежнему оставался в ножнах.

Прошло пять-шесть разменов, Тань Тяньлян непрерывно атаковал, захватив инициативу, а Шэнь Си лишь уклонялся и отступал под его натиском. Все решили, что Тань Тяньлян берет верх, и с нетерпением ждали, когда Шэнь Си наконец покроет себя позором. Лишь князь, наблюдавший за битвой, видел: исход уже предрешен. Тань Тяньлян слишком хотел победить, каждый его удар был быстрее предыдущего, движения стали суетливыми, дыхание — сбивчивым. Он потерял контроль над ситуацией. Шэнь Си же был невозмутим, выжидая момент для одного точного удара.

Улучив мгновение, Шэнь Си сделал ложный выпад. Когда внимание Тань Тяньляна отвлеклось, он подбросил меч вверх. В тот же миг, когда рукоять оказалась в воздухе, он схватил ее и выхватил клинок. Окружающие увидели лишь холодный блеск, промелькнувший над головой Тань Тяньляна, и не успели понять, что произошло, как меч уже вернулся в ножны, а Шэнь Си оказался в нескольких шагах, держа правую руку по-прежнему за спиной.

Подул ветер, и Тань Тяньлян почувствовал холод в голове — его головная повязка была бесшумно разрезана надвое, и густые волосы в беспорядке рассыпались по плечам.

Этот слегка унижительный удар хоть и не поранил кожу, но нанес удар по самолюбию. Разъяренный Тань Тяньлян, забыв о том, что проиграл, снова с диким воплем бросился на Шэнь Си.

Он замахнулся мечом, но Шэнь Си отразил удар одной рукой. Столкновение было жестким, рука Тань Тяньляна онемела, и меч чуть не выпал. Используя эту силу, Шэнь Си взмахнул мечом обратным хватом, и раздался отчетливый звук: «шлеп!». Рукоять меча пришлась прямо по щеке Тань Тяньляна. Тот пошатнулся, попятился и едва не рухнул на землю. С трудом удержавшись, он схватился за лицо: половина щеки мгновенно опухла, словно у него во рту был спрятан целый пампушка.

Княжна Фэйхун, не сдержав восторга, стиснула кулаки и чуть не выкрикнула «браво».

Тань Тяньмин бросился к брату: Ты как?

Тань Тяньлян сплюнул кровь, в которой что-то звякнуло: на землю выпали два зуба.

Князь в душе вздохнул: «Ох, молодец. Сказал, что хватит одной руки, и сдержал слово до конца. Но вот ударил слишком сильно. Бить по лицу — последнее дело. Если этот маленький проказник не научится сдерживать свой нрав, в будущем от него и вовсе не будет покоя».

Видя, в каком состоянии оказался брат, Тань Тяньмин, не в силах сдержать гнев, опустился на одно колено перед князем: Князь, прошу, рассудите нас! Поединок должен был быть дружеским, а этот господин Шэнь с первого удара проявил такую жестокость, явно желая лишить человека жизни!

Если бы Тань Тяньмин промолчал, князь, возможно, и пожалел бы его, но после таких обвинений он решил защитить своего: Ха-ха-ха! Ну что вы, молодые люди, кровь кипит, просто балуются, бывает, что и не рассчитают силу. Может... мне позвать кого-нибудь, чтобы осмотреть Тяньляна?

Его взгляд стал холодным, голос — ледяным. Неважно, настоящий ли этот «приемный сын» или нет, он человек князя Цзиня. Только князь вправе критиковать его, кто еще осмелится упрекать?

Как только эти слова слетели с губ князя, каждый, кроме самого Шэнь Си, почувствовал, сколько в них нескрываемой привязанности и защиты. Воля князя была очевидна, и с этого момента никто больше не смел недооценивать этого неприметного господина Шэня.

Тань Тяньмин понял, что что-то не так, и поспешно изменил тон: Да, князь прав, это просто детские игры. Виноват, слишком разволновался за брата, потерял голову. — Он опустил глаза, исподтишка поглядывая на Шэнь Си: внешне он был смиренен, но в глубине его глаз затаилась едва заметная, мрачная злоба...

Конь князя, напуганный выстрелом Шэнь Си, был пойман, но ехать на нем было невозможно, поэтому он усадил Шэнь Си в свою карету, чтобы вернуться в город Цзиньян.

Отъехав на некоторое расстояние, князь увидел, что Шэнь Си сидит, выпрямившись и молча, и с улыбкой спросил: Няньцин, ты осмотрел мои войска, унизил моих военачальников. Скажи-ка теперь, когда нападут татары, кто из них может повести армию в бой?

Шэнь Си долго смотрел вдаль через щель в занавеске кареты, прежде чем медленно произнести: У полководца пять пороков: если он готов умереть — его можно убить; если он слишком дорожит жизнью — его можно взять в плен; если он вспыльчив — его можно опозорить; если он слишком честен — его можно обмануть; если он слишком любит народ — его можно извести заботами. Что касается твоих генералов... ты сам их лучше знаешь, уверен, у тебя уже есть выбор.

Да... — Князь понимающе кивнул. — У меня в сердце действительно есть идеальный кандидат, вот только не знаю, смогу ли я его упросить.

Ха! — Шэнь Си не смог сдержать смешка. — В Цзиньюане каждая травинка, каждый кирпич принадлежат тебе, князь. Кто же настолько важный, что даже ты не можешь его пригласить?

Князь преувеличенно вздохнул: Ах, как говорится, далеко пойдешь — не найдешь, а то, что ищешь, перед глазами!

Шэнь Си выпрямился, широко открыв глаза: Ты хочешь сказать... что это я?

Князь искренне кивнул: Именно так, молодой господин Шэнь.

Когда дело коснулось защиты рубежей, Шэнь Си стал серьезен, как никогда: Это дело государственной важности, прошу, не шути так.

Князь ответил с достоинством: Няньцин, по-твоему, я похож на того, кто шутит?

Но... я сын Шэнь Вэя, — Шэнь Си глубоко вдохнул. — Мы с тобой встретились случайно, я оказался у тебя только потому, что нарушил военный закон и вынужден был бежать с тобой в Цзиньюань.

Князь слегка приподнял бровь: Ну и что с того?

Шэнь Си криво усмехнулся: У тебя в подчинении полно талантов, выдающихся военачальников. Если ты отбросишь их и выберешь меня — мальчишку без имени и заслуг, не боишься, что люди не подчинятся?

Князь пренебрежительно выпятил губу: Ты сам только что сказал, что в Цзиньюане все принадлежит мне. Посмотрим, кто осмелится не подчиниться моему выбору.

Как бы князь ни объяснял, Шэнь Си не мог поверить. Нахмурившись, он сказал: Даже если не брать это в расчет, ты не боишься, что, получив власть, я оберну войска против тебя? Не боишься, что я лазутчик, подсланный кем-то другим? Не боишься, что в критический момент я оставлю Цзиньюань на произвол судьбы и сбегу? Не боишься...

Ну, будет тебе, Няньцин, — князь громко рассмеялся. — Если хочешь правды, слушай внимательно. Я боюсь всего, что ты перечислил, и не могу сказать, что доверяю тебе на все сто. Но я глубоко изучил тебя. Шэнь Няньцин — человек своенравный, но не упрямый; яркий, но не хвастливый; целеустремленный и честный. Он не допустит падения страны, не станет пренебрегать жизнями солдат, не позволит запятнать свою репутацию и не упустит возможности нанести удар по основным силам татар. Поэтому ты — лучший кандидат в моем сердце.

Прошло немало времени, прежде чем Шэнь Си горько усмехнулся: Кто бы мог подумать... что ты так хорошо меня знаешь... — После долгого молчания он поднял голову. — Но что касается командования войсками... прошу прощения, я не могу принять это...

<http://bllate.org/book/21936/2279024>